Иван-царевич и С.Волк. или
В чужой монастырь со своим самоваром

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

СВЕТЛАНА БАГДЕРИНА

4

Светлана Багдерина

Похищение Елены

Серия «Иван-царевич и С. Волк или В чужой монастырь со своим самоваром», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19061654
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Иван и Серый разбросаны бурей по разным концам Стеллы. Чтобы найти друг друга, им придется встретиться с горгонами, сразиться с химерами, побывать в лабиринте царя Миноса, вернуть Золотое руно, похитить золотое яблоко бессмертия из сада Десперад и даже осадить Трилион. Их дружбу не смогла разорвать даже смерть. Окажется ли это под силу Елене Прекрасной?.. Из серии «Былины Белого Света».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Светлана Багдерина
Похищение Елены

Жизнь прекрасна, но удивительна.
Гарри Мини-сингер

Море!

Под ними, на сколько глаз хватало, простиралось бесконечное, как лукоморская тайга, море.

Иванушка сказал, что это еще не самое маленькое, что бывают и побольше, и даже совсем большие, которые называются океанами. На что Серый заявил, что для него и этого хватит, поскольку берега не видно уже с полчаса, а на эти волны смотреть – тошнить начинает, и что спасибо, больше ему не надо. А про океаны не забудьте напомнить ему еще, чтобы не запамятовать, чего он видеть не хочет ни при каких обстоятельствах, и вообще, если бы он знал, что это ваше море такое большое, мокрое и колыхающееся, он бы настоял на Шартр-аж-Шетхе, или как он там. Тогда царевич поспешил его успокоить, пообещав в скором будущем огромное количество самых разнообразных островов, которые, практически находятся в виду друг друга, и что, если постараться, от одного до другого можно добросить что-нибудь тяжелое. На этом Волк немного утешился, улегся на спину, скрестил руки на груди и закрыл глаза.

И поэтому не увидел того момента, когда на них свалился

человек.

Иван глаз не закрывал, но тот факт, что он стал этому свидетелем, ясности в вопрос далеко не внес. Скорее, совсем наоборот. Просто совершенно внезапно в чистом солнечном небе стала расти и увеличиваться в громкости точка, пока не превратилась в полураздетое человеческое существо, запутавшееся в своих собственных руках и ногах в попытке то ли взлететь, то ли уцепиться за что-то.

Для старого Масдая это тоже стало неприятным сюрпризом.

– Это обязательно надо было уронить мне на спину с такой силой? – недовольно прошуршал он. – Непонятно, чем вы там только занимаетесь, пока… Третий?! Он что – с солнца упал? Всегда знал, что в этой Стелле приличным коврам-самолетам делать нечего!

Незнакомец, спружинив на Масдае, как на батуте, шлепнулся рядом с Серым и остался лежать с закрытыми глазами. Лицо его приняло торжественно-скорбное выражение.

Зато подскочил застигнутый врасплох Волк.

– Дай ты умереть мне спокой… Но.

Взгляд на Иванушку. Взгляд на незваного гостя.

– Это кто? – почему-то шепотом спросил он.

– Не представился, – также шепотом ответил царевич.

– А что он тут делает?

– Лежит?

– Спроси его, чего ему тут надо.

Иванушка на мгновение сосредоточился, потом откашлялся и нараспев торжественно произнес:

– Юноша бледный, поведай, зачем ты явился; в небе парил ты зачем, облака попирая ногами?

Самозваный пассажир открыл один глаз – второй распахнулся сам при виде лукоморской парочки, и на лице его отразилось непонятное сомнение, смятение чувств в комплекте с легким испугом. Он поморгал, хотел что-то сказать, но почему-то передумав, сначала беззвучно пошевелил губами минут с пяток и наконец осторожно ответил:

– О, лучезарные боги, чей лик затмевает солнца сиянье и звезд многочисленный рой. Имя не знаю я вашего, горе мне, горе – смертного жалкого просьба в сердцах не винить. Звать меня – скромный Ирак, сын Удала, внук Мирта. Дед мой прославлен в веках был…

– Короче, стеллянин, – нетерпеливо махнул рукой Серый. – Давай про себя.

Стеллиандр замолк на полуслове и с потяжелевшим в момент испугом глянул на Волка.

– В час развлеченья, досуга, за пенною чашей с радостью слушать мы будем историю твою, – почти тут же поддержал его Иван, гордый своим экспромтом.

– Боги мои, пожалейте… Мой отец… Отец мой – архит… зодч… строитель известный. Строил он лабиринт… запутан… строенье одно… на острове Мине… – и в сторону, отчаянно: «Боги милосердные, помогите попасть в размер…

Пять минут, как мертв – и уже такое позорище… Эх, говорила мне матушка – учи литературу…»

– Как ты сказал? – недоверчиво склонился над ним Иван.

– Что? – уточнил Ирак.

– Всё! Ты говорил не… ритмически организованными высказываниями! – обвиняюще прищурился царевич.

– У меня в школе любимым предметом была физкультура! – оправдывался Ирак. – А когда проходили Эпоксида, я болел! А из Демофона я вообще смог запомнить только «Си вис пацем – смит-и-вессон»!

– Парабеллум, – машинально поправил его Иванушка.

– Так вы, стеллиандры, не говорите этими дурацкими стихами без рифмы? – все еще недоверчиво уточнил Серый.

– Нет. А вы?

– Что мы – похожи на этих… Домофонов? – покрутил пальцем у виска Волк с явным облегчением.

– Не похожи, – не очень уверенно согласился Ирак. – Но вы же боги! А боги должны разговаривать, как писал Эпоксид. Я же читал!..

Непонятно почему, Серый хрюкнул, быстро отвернулся и, закрыв лицо руками, стал издавать загадочные звуки. Иван же, наверное, понял, потому что покраснел, снова откашлялся, и только тогда обратился к новому знакомому:

– Извини, но, по-моему, ты нас с кем-то путаешь.

– Путаю?

– Да. Путаешь. Мы не боги.

– Не боги?

– Нет.

– То есть вы хотите сказать, что по небу, кроме нас с отцом, каждый день летает полно народу, которому просто надоело ходить по земле?

– Ну не совсем…

– И эти летающие люди чудесным образом спасают… Я ведь не мертвый? – с опаской быстро ощупал себя Ирак и, успокоившись, продолжил: – … спасают злосчастных стеллиандров от верной гибели через расплющивание в очень тонкую лепешку о поверхность моря?

– Ну…

– И носят такие загадочные одежды, какие простому смертному и не придумать во век?

– Я же говорил тебе, что эта штучка с кружевами должна одеваться не поверх этой ерундовины с перьями! – прошипел Волк.

– Ну…

– Ах!.. – воскликнул вдруг стеллиандр и захлопнул себе рот обеими руками. – Простите меня!.. Простите, простого смертного, ибо не догадался я, что вы – боги превращенные! Простите меня за дерзость!!! – хлопнулся он на колени. – Если бог не признается, что он – бог, значит, он путешествует инкогнито! Так Ванада превращалась в ткачиху, Филомея – в пастушку, Меркаптан – в купца, а Дифенбахий… Впрочем, проще сказать, в какое стихийное бедствие он еще не

превращался, да умножатся его молнии до бесконечности!

– Да ты чего, парень, на солнышке перегрелся? – попытался поднять его на ноги Волк. – Ну ты посмотри, какие мы боги?

– Неузнанные, – настаивал на своем Ирак.

– Да мы же эти… простые смертные… как ты!

– Они, когда превращаются, всегда так говорят. Зачем богу, который превратился в смертного, чтобы его не узнали, признаваться в том, что он – бог? И если вы не боги, – сын архитектора хитро взглянул на лукоморцев, – то как летит по воздуху эта чудесная портьера, а?

Это была капля, переполнившая чрезвычайно маленькое и мелкое блюдечко терпения ковра.

– Сам ты – занавеска! – обиженно огрызнулся Масдай, повергнув бедного юношу в шок и на колени. – Сперва валится с неба, как мешок с кокосами, чуть не пробивает дыру – про грузоподъемность меня здесь кто-нибудь спросил? – а теперь еще и обзывается!

– Сильномогучие боги Мирра… простите неразумного… смертный… не дано… – Ирак – образец раскаяния – попытался постучать загорелым лбом о Масдая, чем вызвал новый приступ громко озвученного недовольства.

Друзья переглянулись. После такой «ковровой бомбардировки» надежды убедить стеллиандра оставить свою бредовую идею насчет их сверхестественного происхождения не было.

– Ну бог с тобой, – устало махнул рукой Волк. – Боги мы, боги. Только не скажем, какие, потому что переодетые. А теперь ты не мог бы встать и рассказать, что ТЫ тут делаешь?

Ирак горячо замотал головой:

– Не встану. Рассказывать я и так могу. Отец мой – знаменитый зодчий Удал. Были мы с ним на острове Мин – он возводил лабиринт для чудовища царя Миноса, а я ему помогал. Но после окончания…

– Не гуди мне в ухо, – глухо пробурчал ковер.

Парнишка мгновенно выпрямился, но без запинки продолжил:

– …работы царь отказался нас отпускать, и продержал пленниками на Мине десять лет. Тогда мой отец – гениальный изобретатель – придумал сделать крылья из перьев больших птиц, и сегодня мы вылетели с постылого острова, чтобы снова обрести свободу. Но, кажется, я что-то прослушал, когда отец объяснял мне устройство этих крыльев, и когда набрал высоту, не сумел остановиться и лететь вдоль поверхности моря, как учил меня папа. Получалось только подниматься. А вперед меня нес ветер. И я поднимался, пока солнце не расплавило воск в моих крыльях и они не развалились по перышку… Бедный, бедный папа – он, наверное, подумал, что я погиб… Он и предположить не мог, что вмешаются миррские боги, могучие боги, – Ирак украдкой покосился на лукоморцев, – явятся во всей своей славе и сиянии, и белый свет померкнет перед их величием и великолепием,

и они снизойдут до меня – недостойного…

– Ну опять зарядил… – простонал Волк.

– А почему ты назвал царя Миноса чудищем? – полюбопытствовал Иванушка, отчасти надеясь перевести мысли стеллиандра на что-нибудь другое.

– Чудищем? Я не назы… Ах, это… Ха-ха… – он натужно растянул губы в чем-то, что должно было изобразить, по-видимости, улыбку. – Всеведущие боги изволят шутить.

– Слушай, смертный, – ласково обратился к нему Волк, нежно заглядывая в глаза, и Ирак понял, что с этого момента слово «смертный» могло приобрести для него очень много совершенно ненужных наречий, таких, как «определенно», «внезапно» или «чрезвычайно болезненно».

– Угх… – наконец сморгнул он.

– Если ты еще раз назовешь нас богами, или хотя бы намекнешь об этом… Что тут у вас случается с…

Неизвестно, откуда взявшийся сильный порыв ветра сбил Серого с ног. Падая, он уронил царевича, который, в свою очередь, с прирожденной ловкостью повалил на Масдая стеллиандра.

– Ешк…

– Ой…

– Боги…

Что сказал по этому поводу Масдай, осталось неизвестным, так как небо взорвалось и разлетелось молниями на мельчайшие кусочки. Воздух посерел, из глубин его вскипе-

ли черные тучи, перемешиваемые ураганом, и ударил дождь.

Волк ухватился за передний край ковра что было сил, и проорал:

– Масдай! Ищи землю!

– Сергий!.. Ты здесь?.. – донеслось до него с попутным торнадо.

– Здесь!.. Держись!.. – он попробовал оглянуться через плечо, но, получив с ушат воды прямо в лицо, быстро отвернулся.

– …усь!..

– Ирак! Ты здесь? – выкрикнул снова Иван.

– Помогите!!! Я не могу удержаться!!! Тут скользко от воды!.. Я сейчас упаду!..

– Держись, я помогу!

Царевич выпустил из рук спасительный край Масдая и пополз к теряющему силы Ираку, в кромешной тьме пытаясь нащупать его и отплевываясь от неожиданно холодного дождя, потоками низвергавшегося, казалось, исключительно на него.

– О, боги! Я больше не могу! Спасите меня!..

Ковер тряхнуло, он накренился вправо, влево, вперед, стал падать, но снова выправился, и снова завалился налево…

– Помогите!!!..

– Держи руку!.. – и тут при последнем маневре Иванушку швырнуло прямо на голову Ираку.

– Держу! Спасиба-а-а-а-а-а-а-а!!!..

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!..

Но Серый так и не услышал два отчаянных удаляющихся крика за краем ковра среди ревущей стихии.

Гора мышц, слегка прикрытая небольшим клочком белой материи, пошевелилась – это Трисей оторвался от точения меча, провел по краю лезвия ногтем, и оно запело, почуяв руку хозяина.

– А скажи, капитан, всегда ли так быстро меняется погода в этих местах? – проговорил он, в который раз с детским удивлением окидывая взглядом лазурный небосвод и зеленую воду моря.

– Честно говоря, такое я видел в первый раз, – покачал головой капитан Геофоб. – Бури на море не в диковину, это понятно, но чтобы одно мгновение был штиль, а через секунду – ураган – такого я не припомню.

– Злосчастные Каллофос и Никомед… – вздохнул Трисей. – Как некстати забрали их к себе нереиды…

– За бортом ничто не могло выжить в этом хаосе, – согласился с ним капитан. – Но зато теперь они, благородные юноши из богатых семей Иолка, несомненно вкушают нектар и амбросию из рук изумрудноволосых дочерей Нерея, а это значит…

– А это значит, – угрюмо договорил за него Трисей, – что мы привезем на Мин не семерых юношей, а только пять, и имя нашей славной родины навеки покроется позором бес-

честия.

– Капитан, – подбежал запыхавшийся, бледный матрос. – У нас больше нет парусов.

– Как нет? – нахмурился Геофоб. – А вторая пара, которую мы всегда храним в ящике из-под канатов? Или его тоже смыло?

– Нет, капитан, но они же черные – помните, мы специально их взяли, чтобы оповестить царя Эгегея о том, что чудовище сожрет его сына, царевича Трисея, да приумножат боги его годы!

– Болван!

– Можно, я ему отрежу уши, капитан?

– Ай!

– Можно.

– Ай-ай-ай!

– Человек за бортом!!!

– Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй!

– Два человека за бортом!!!

– Ой! Это наши земляки! – и бедолага матрос, ловко вывернувшись из туники, зажатой в пудовом кулаке Трисея, проявил чудо героизма, бросившись в воду и быстро-быстро поплыв навстречу двум головам, то появляющимся, то исчезающим в легких волнах метрах в сорока от корабля.[1]

Через полчаса две бледные, изнемогающие фигуры, с тру-

[1] Хотя при нынешнем состоянии дел он проявил бы чудо героизма, оставшись на борту триеры рядом с царевичем.

дом перевалившись через борт корабля, оказались на палубе. Один-единственный взгляд на них начисто опровергал новомодную теорию чернокнижников Шантони о том, что тело на девяносто процентов состоит из воды. Они были прямым доказательством стопроцентного содержания H_2O в теле человека. Причем она там долго не задерживалась, а бурными потоками изливалась с волос, лиц и одежды на палубу, очень быстро формируя небольшой заливчик, в котором уже даже плескалась веселая рыбка, выпавшая, очевидно, из рукава камзола Ивана.

Вокруг них тотчас же собралась, побросав весла, вся команда.

– Это не Каллофос!..

– И не Никомед!..

– Определенно не Никомед…

– Он бы уже орал во все горло, спрашивая вина и мяса.

– Хотя вон тот на Каллофоса очень похож.

– Но если этот не Никомед, значит, тот – не Каллофос. Этот логика.

– Ага, умный нашелся!

– А если этот – Каллофос?

– Ты меня запутать хочешь?

– Нет, что ты. Просто спрашиваю.

– Какие забавные педилы…

При этой фразе Иванушка пришел в себя. И тут же из него вышел.

– Это кто тут педила? – утирая мокрым рукавом с лица остатки моря неприветливо поинтересовался он. – От педилы слышу!

– Он еще бредит…

– Дайте им воды!..

– Не надо!!! – тут пришел в чувства и Ирак.

– Кто вы, незнакомцы? – раздвинув толпу, как ледокол, вперед выступил темноволосый юноша размером с трех. – Как оказались вдали от берега? И не встречали ли там, в морской пучине, наших товарищей – Никомеда и Каллофоса?

Пока царевич задумался над этой чередой вопросов и честно попытался припомнить в бушующей воде что-то такое же мокрое, напуганное и отчаянно бултыхающееся, как они с Ираком, молодой стеллиандр, у которого, казалось, мозги с языком были связаны напрямую, уже пустился в пространные разъяснения, снова начав с дедушки Мирта. Впрочем, его история, кажется, вызывала неподдельный интерес всех собравшихся.

Всех, кроме одного.

Молодой мускулистый здоровяк, первым спросивший, кто они, стоял, в мучительном раздумье наморщив лоб, к таким упражнениям, явно непривычный. Когда Ирак, минут через сорок, дошел до раннего детства своего отца, мыслитель тоже наконец-то пришел к какому-то выводу и тихонько вытащил пожилого моряка в сиреневой тунике из круга стеллиандров, как всегда, падких до историй с продолжени-

ем.

– Послушай, Геофоб, – обратился он к нему. – Я знаю, как спасти честь Иолка.

И что-то забубнил ему прямо в ухо. До Ивана лишь обрывками доносилось:

– …не тех… …бросить обратно… …вернет наших…

– …нет, Трисей, этот план…

– …почему это?..

– …воля богов… …предназначение…

– …предлагаешь…

– …получше…

– …не захотят?..

– …синий пузырек… …в вино…

– …не похож…

– …все равно…

– …спешить…

– …через час…

– …быстрее…

– …педилы…

Минут через десять, когда Ирак уже описывал второе замужество своей матушки, толпа матросов снова расступилась, и к потерпевшим коврокрушение подошли те, кого называли Геофобом и Трисеем. В руках они несли ворох сухой одежды и полотенец, блюдо с хлебом и мясом – и амфору.

Парой быстрых фраз капитан отослал матросов на весла, а Трисей пассажиров – на нос.

С удовольствием переодевшись в новые хитоны,[2] собратья по несчастью моментально умяли принесенную заботливыми иолкцами еду, запив сильно разведенным, с горчинкой, вином из маленькой черной амфоры. И как раз вовремя.

– Земля! – закричал самый зоркий из моряков. – Через час мы будем там!

– Через час мы будем где? – поинтересовался царевич у Геофоба.

– Там, – кратко махнул он рукой.

– Где – там? – забеспокоился почему-то Ирак. – Где – там?

– На Мине, – нахмурился Трисей. – А как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо, – удивленно отозвался Иванушка. – А что?

– И голова у вас не кружится?

– Трисей! – украдкой Геопод попытался наступить герою на ногу, но с таким же успехом он мог пытаться попинать слона.

– Нет. Мы выпили не так уж и много. А с какой целью ваше судно идет на Мин, капитан Геофоб?

– В гости.

– По делу, – хором ответили иолкцы.

– Откуда вы, мореплаватели? – вдруг отчего-то встрево-

[2] Царевич не без облегчения скинул свой замысловатый мюхенвальдский придворный костюм, оставив, естественно, лишь чудесным образом оставшиеся сухими волшебные сапоги.

жился Ирак.

– Из Иолка, – нехотя ответил Трисей, настороженно вглядываясь в лицо любопытного пассажира. – А что?

Лицо любопытного пассажира посерело, потом побледнело, затем позеленело, да таким и решило, видимо, пока остаться.

– Из Иолка!!! Если вы действительно из Иолка, то на Мине у вас может быть только одно дело…

– Какое? – заинтересовался Иванушка.

– И боги забрали у вас двух человек…

– Какое дело?

– И тут появились мы…

– Да какое же дело, Ирак?!

– Минозавр!!! – выкрикнул юноша, и если бы Иван не ухватил его за ноги, в мгновение ока перемахнул бы за борт.

– Ирак, ты куда? Кто такой Минозавр? Кто это? – тряс нового знакомого за тунику Иванушка, стараясь добиться от него ответа. – Что происходит? Да скажи же ты!

Но Ирак не отзывался. Глаза его остановились, лицо приняло довольно-туповатое выражение, и с блуждающей полуулыбкой он лениво опустился на палубу.

– Ирак, что с тобой? Ему плохо? – испуганно взглянул на Геофоба царевич.

И тут у него закружилась голова.

Остальное происходило как во сне.

Вместе с остальными иолкцами – девушками и юношами

в черных хитонах, общим числом четырнадцать – Ивана и Ирака вывели на берег, где их встретили суровые бородатые люди в доспехах. Они забрали у Трисея меч, чему Иванушка вяло удивился – ему казалось, что проще у предводителя иолкцев было отобрать его руку или ногу… Потом по живому коридору из странно одетых молчаливых людей под звуки заунывной музыки их повели куда-то, где перед каменной статуей сурового мужчины долго окуривали чем-то чихательным и обрызгивали чем-то красным и теплым, что взяли из только что убитого быка… Наверное, это была кровь… Иолкцы, все, кроме Трисея, отчего-то плакали и причитали… И кроме Ирака… Наверное, потому, что он не иолкец… Потом статуя ожила, подошла к ним и что-то начала говорить… А может, это просто был похожий на нее человек… Смешно… Человек, похожий на свою статую… Или статуя, похожая на своего человека?.. Трисей, набычившись и скрестив руки на груди, стоял и слушал человека-статую, хотя Иванушке было чрезвычайно удивительно, почему он его не ударит, ведь ему этого так хотелось, это же было видно разоруженным… безоружным… невооруженным… глазом. Потом, когда всё это царевичу слегка поднадоело, всех их, подталкивая остриями копий, бородатые солдаты в шлемах со щетками[3] погнали куда-то дальше… Куда – какая разница… Ему и тут было неплохо… И там будет тоже хорошо… И чего только эти слезоточивые иолкские парни и девчата

[3] Совсем, как солдатики в детстве. Интересно, а что у них на задах написано?

так расстраиваются? Смешно… Вот, например, когда они с Трисеем проходили мимо одной очень красивой местной девушки в розовом балахоне, она совсем не плакала… А даже украдкой сунула герою большой клубок, шепнув: «Привяжи конец в лабиринте – он тебя выведет!»… Значит, они идут в лабиринт. Смешно… Как конец, если его привязать, может куда-то вывести? И конец чего?.. А у них в Лукоморье на ярмарку тоже приезжал лабиринт… Вместе с комнатой смеха… У нее перед входом было написано что-то вроде: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива»… А еще там наездник разгонялся и скакал по верхней половинке громадного деревянного шара… И не падал… Хотя так все этого ждали. Смешно… А еще приезжали…

Вдруг раздался страшный рев – как будто прайд голодных львов наткнулся на стадо бешеных буйволов – перекрываемый визгом и воплями обезумевших иолкцев и боевым кличем Трисея, который тоже не всякое тренированное ухо выдержит. Какофония вырвала Иванушку из плена воспоминаний и пинком швырнула прямо в объятия мрачной действительности. Мрачной в прямом смысле этого слова – за то время, пока царевич предавался ностальгии, их группа успела попасть из душного светлого храма в душное темное подземелье. Редкие факелы в подставках в виде зубастых пастей на стенах скорее делали тьму более густой, чем разгоняли ее. «И очень жаль», – подумал царевич, когда прямо на них из-за угла выскочило какое-то страшилище, и Трисей начал с

ним бороться. – «Потому что плохо видно».

Бестолковые иолкцы разбежались, кто куда, и только они с Ираком остались, чтобы поболеть за наших. Не известно, за кого болел Ирак, но Иван меланхоличным мычанием подбадривал Минозавра – как явно проигрывающую сторону. И когда Трисей, поведя могучими плечами, со смачным хрустом крутанул вокруг своей оси ушасто-рогатую голову незадачливого чудовища, в недобрый для себя час оказавшегося в темных закоулках этого затхлого погреба, Иванушка, как триллиарды болельщиков побежденных команд, махнул рукой, плюнул, и повернул домой, сожалея о потраченном впустую времени.

– Эй, постой! – кто-то окликнул его, а когда он не посчитал нужным отозваться – ухватил за плечо. – Стой, чужестранец! Ты, ванадец, иди сюда – стой рядом с ним!

Обернувшись, Иван увидел рядом с собою глупо улыбающегося Ирака. Наверное, его команда выиграла… И пускай… Может, если они тут подольше постоят, появится еще какое-нибудь уродище вроде этого, и тогда мы еще посмотрим, кто кого…

А вот и остальные иолкцы начали собираться… И все смеются. Те, которые не плачут… И что сейчас? Ага, это же аттракцион такой, вспомнил… Лабиринт называется. И сейчас Трисей будет нас отсюда выводить. А после этого мы, наверное, пойдем на качели… Что это он такое говорит?.. Хм, никогда бы не подумал… Хитер… До такого, наверное, да-

же сам Волк бы не додумался… Волк… Волк. Волк? Волк! Волк!!! Волк… Волк… Кстати, а где Волк?.. Жалко – пропустил самое интересное… И кто бы мог подумать, что если конец нити, свернутой в клубок, привязать к поясу туники где-то в дебрях лабиринта – эге, это ведь лабиринт – я про него сегодня уже где-то слышал!.. – так вот, тогда остальной клубок сможет вывести заблудившихся на улицу… Это, наверное, волшебный клубок, как у королевича Елисея на странице восемьсот шестнадцатой, когда он заплутал в расколдованном замке… или в заколдованном?.. Нет, в расколдованном – я помню, что он оказался в прекрасном замке с садом с ручейками, деревьями, бабочками, похожими на цветы и цветами, похожими на бабочек, с белыми и розовыми стенами… И птичками… Тоже похожими на что-то… Может, на рыбок… И узнал он, что этот замок давным-давно заколдовал какой-то маг… И сумел расколдовать его… И встал перед ним черный город ужаса с подземельями пыток и казней… И заблудился он там, и погиб бы от голода… Интересно, почему от голода, там же народу всякого полно было… и тварей… Ведь что-то же они ели… когда не жрали друг друга? А-а… Наверное, стенания истязаемых отбивали ему аппетит… Но дала ему молодая ведьма молоток… Нет, колобок… Или клубок… О чем это я?.. Смешно… Кажется, мы мимо туши этого Ментозавра уже в четвертый раз проходим. Или я что-то пропустил, и эти Мегазавры разные? Значит, счет – четыре-ноль?.. А эти иолкцы снова льют сле-

зы… Значит, они потеряли несколько Трисеев тоже? Остался один… Вон он… Играет в футбол своим клубком. Смешно… Все его ждут, пока он поведет их на карусели, или хотя бы в беспроигрышный тир, а он тут играет… И ругается… Наверное, потому что больше никто с ним поиграть не хочет. Наверное, если бы со мной никто играть не хотел, я бы тоже стал ругаться. Только не так, как он… Я не все слова такие знаю… Ну ладно. Если никто не хочет – придется мне. Эй! Трисей! Трисей, пас давай, пас!!!..

Иванушка, покачиваясь из стороны в сторону, как лунатик, подбежал к клубку, брошенному на пол разгневанным героем, попытался пнуть, промахнулся, покачнулся, взмахнул беспомощно руками и шлепнулся сам, ударившись головой об стену.

Перед глазами все поплыло, закрутилось, желудок моментально изверг свое содержимое кому-то на ноги, а сознание, вероятно смущенное таким поворотом событий, поспешило тут же покинуть его до лучших времен, сделав вид, что они не знакомы.

Может быть, лучшие времена наконец-то настали, потому что Ивановы глаза медленно приоткрылись.

Одновременно с тусклой картинкой включили и звук. И запах.

– ГДЕ Я?!

Как будто плотная отупляющая пелена спала с головы Иванушки. Мгновенно все события, обрушившиеся на него

с утра, ворвались, вспыхнули у него в мозгу, опалив испуганно отшатнувшееся сознание, тут же пожалевшее о своем преждевременном возвращении. Как кусочки разрезной картинки встали осколки происшедшего на место, и увиденное ошарашило и шокировало слегка запоздавшего на свидание с реальностью царевича.

«Ешеньки-моешеньки, как сказал бы Сергий», – медленно схватился Иван за звенящую голову. – «Где же я теперь его найду…»

К чести его сказать, сомнений в том, что его земляк остался в живых, у него даже не возникало. Отрок Сергий стал для Иванушки действующим лицом самой первой и самой нерушимой аксиомы. Даже если погибнет мир, говорилось в ней, то рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, из-под его обломков выберется ухмыляющийся Волк и спросит бананов в шоколаде.

А искать унесенного ветром Волка надо было незамедлительно – ведь на то, чтобы найти и доставить золотое яблоко Филомеи, у них было совсем немного времени! О том же, чтобы покинуть Стеллу без друга, хоть с целой корзиной этих яблок, речи не шло. Пусть даже если все королевства в мире и все их престолонаследники провалятся сквозь землю.

– …выбраться?

– Похоже, мы окончательно заблудились!

– Наверное, попался неисправный клубок…

– Неисправные мозги…

– Если ты такой умный…

– Не надо драться, юноши!..

– Ум… мник… на!.. шел!.. ся!!!..

– А-а-а!..

– Трисей, разними же их!..

– Так что ты там говорил про мои мозги, а?..

– Трисей!!!

– А-а-а-а-а-а-а!!!..

Даже Иванушке стало понятно, что в пяти шагах от него происходит что-то не то.

Он попытался подняться, и со второго захода преуспел. Голова, правда, еще слегка кружилась, но уже не от зелья, которым их опоили на корабле.

– Что случилось? – обратился он в никуда, не надеясь получить ответ, просто для того, чтобы снова услышать звук своего голоса. – Что мы тут делаем?

– Я… учу… этого… пижона… Геноцида… обращаться… ко мне… с уважением! – неожиданно для царевича отозвался Трисей, не отрываясь от заявленной деятельности.

– Уй!.. Ай!.. Ой!.. – подтвердил тот.

– Мы заблудились… – в несколько голосов обреченно вздохнули остальные.

– Совсем?

– …нет, наполовину!.. Ауй!..

Иван на мгновение задумался, и тут же лицо его просветлело. Настолько, что если бы просветление это выражалось в

киловаттах, то его хватило бы для освещения пары вечерних игр на самом большом стадионе.

Здесь он был как у себя дома. Этот способ выбраться из любого места самого непроходимого и запутанного лабиринта описывался на странице тысяча шестьсот тридцать восемь «Приключений лукоморских витязей», когда королевич Елисей черной магией маниакального карлика – владельца бриллиантовых копей – забрасывается в самый центр подземного огненного лабиринта на летающем острове Коморро. И, самое важное, этот способ уже был однажды опробован Иванушкой на практике – в том самом ярмарочном лабиринте, куда они с матушкой зашли, не дождавшись сопровождающего, и где благополучно умудрились потеряться уже через три минуты. Тогда спасение царицы Ефросиньи заработало ему дополнительный урок стрельбы из лука в неделю, но, увы ненадолго – до первой занозы в пальце…

Иван мотнул головой, отгоняя невесть откуда взявшуюся ностальгию, и заявил:

– Я выведу вас отсюда. Следуйте за мной.

– Что, еще один умник? – оторвался от лупцевания Геноцида и ревниво прищурился Трисей.

– А ты откуда знаешь дорогу?

– Даже Трисей не смог найти обратный путь!

– Даже волшебный клубок не помог!

– Ты что – был тут раньше, что ли, а?

– Еще за тобой будем семь часов сейчас ходить!

– Нет уж!

– И так с ног валимся!..

– Повезло Минозавру – раз, и все!

– Что ты сказал?..

– А-а-а-а-а!!!..

Царевич вздохнул и закатил глаза. Кажется, полноценно общаться с этими людьми, не вызывая лавины дурацких вопросов, можно было только одним методом. Интересно, что бы сделал на его месте Волк?.. Конечно, без сомнения, использовал бы этот метод.

– Боги Мирра меня поведут! – сурово изрек он. – Кто сомневается в воле богов, поднимите руки!

Двенадцать пар рук синхронно спрятались за спины. Только Ирак остался стоять, покачиваясь и блаженно улыбаясь.

– Вперед! – воззвал царевич. – И да ведут нас боги Мирра!

И все дружною толпою устремились за ним.

Часа через четыре уставшие иолкцы уже во всю ставили под сомнение не только его компетенцию как проводника воли богов, но и существование самих богов, божественного провидения и Мирра вообще, и всего остального окружавшего их когда-то мира – в частности. Некий Платос выдвинул философскую теорию, нашедшую горячую поддержку в массах, о том, что окружающая реальность субъективна, и является лишь отражением нашего представления о ней, то есть, пока мы думаем, что мы в лабиринте – мы будем в ла-

бириnте. Но стоит нам прилечь отдохнуть, и к нам придет иной сон, более приятный, и мы окажемся где-нибудь на берегу моря, или во фруктовом саду, или в тенистом лесу.

Откровенно говоря, Иван-царевич с удовольствием и сам стал бы приверженцем этой теории, потому что ноги под ним заплетались и подкашивались, тонко намекая, что день был у них сегодня трудный – но не успел. В лицо ему внезапно пахнул соленый ночной ветер.

Еще несколько десятков торопливых шагов – и вместо пропитанного клаустрофобией склепа лабиринта восторженных иолкцев[4] встретила бесконечным звездным объятием ласковая старушка-ночь.

– Трисей!..

На могучую грудь слегка смущенного героя откуда ни возьмись упала девица. При свете факела царевич узнал ту девушку из храма, которая украдкой передала Трисею клубок.

Нижняя челюсть Иванушки с грохотом упала на песок, – «Вот это красавица!!!»

– Ты жив, Трисей! И мой клубок с тобой! Он все-таки помог тебе выбраться! О, Боги Мирра, слава вам, слава! Но почему ты привязал нить так далеко от входа? Я уже начинала беспокоиться – уж не случилось ли с тобой чего… А что с Минозавром? Ты победил его? Пойдем скорее на корабль – а не то мой отец хватится меня, и если он узнает, что я помог-

[4] А так же торжествующего лукоморца и отрешенно-счастливого ванадца.

ла тебе выбраться из этого ужасного лабиринта, то он меня убьет на месте! Хвала богам, что сейчас ночь!..

– Так значит… Так нитку… Значит, надо было…

И Трисей в свою очередь возблагодарил богов, что сейчас ночь, и что не видно ни цвета, ни выражения его лица.

– Так значит, ты хотела спасти нас, о незнакомая дева? – только и смог произнести сконфуженный герой.

– Да, конечно, Трисей, спасти тебя! Как только я тебя увидела – сразу поняла, что если ты умрешь – то я тоже умру! А зовут меня Адриана, и я дочь царя Мина. Ну что же ты молчишь? Я из-за тебя так рисковала!

Трисей, мучительно нахмурясь, совершил умственное усилие, достойное героя, и через минуту выдал:

– Царевна?

– Да!

– Согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой?

– Ну право же, я не знаю… Твое предложение так неожиданно… Так внезапно… Мне надо подумать…

Могучие плечи Трисея колыхнулись.

– Ну если ты не хочешь…

– Я уже подумала! Я согласна! Пойдем скорее на твой корабль!

– Скорее, друзья! – обняв тонкий стан царевны Адрианы, взмахнул рукой Трисей. – Капитан Геофоб ждет нас!

И Иван, закрыв, наконец, рот, устремился вслед за весе-

лой гомонящей толпой стеллиандров, не переставая повторять: «Согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой… Согласишься ли ты войти в дом моего отца моей молодой невестой… Согласишься ли ты… Надо запомнить… Надо запомнить… Надо запомнить… Как все просто… Как все легко… У других. Если бы царевна Адриана не то, чтобы дотронулась до меня, а просто обратила бы внимание… или просто посмотрела бы… или невзначай задела краем своего балахона… Я бы ведь на месте тут же умер! Или еще того хуже – стоял бы, краснел и молчал, как язык проглотил… Как последний дурак. А Трисей… Как он так может? Не согласитесь ли вы войти… моей невестой… КАК ВООБЩЕ ОНИ ВСЕ ТАК МОГУТ?! И почему этого не могу я?.. Наверное, все девушки как-то чувствуют, что я такой… такой вот… вот такой… И поэтому не обращают на меня внимания. А какие простые слова и нужны-то, чтобы полноценно общаться с противоположным полом. Только где же их взять… Не согласитесь ли вы войти в мой дом отца… моей невестой… Надо не забыть!..»

Черные паруса весьма пригодились.

Подняв их сразу же, как только спасенные поднялись на борт, и возблагодарив миррских богов за попутный ветер, корабль тайком вышел из спящего порта Мина и взял курс на Иолк.

Усталые, но счастливые молодые иолкцы быстро соорудили трапезу из мяса, козьего сыра и хлеба и, энергично запи-

вая все это неразбавленным вином, шепотом возносили хвалу непобедимому Трисею. С каждой новой амфорой шепот становился все громче, а тосты все замысловатей, и иногда и тамада, и слушатели забывали к концу, о чем говорилось в начале. Но это не мешало всеобщему веселью: скорее, даже, наоборот.

Под конец вечеринки, когда уже добрая половина пассажиров была повержена алкоголем на еще теплую после жаркого дня палубу, просветление опустилось, наконец-то, и на Ирака, и он с живостью стал поддерживать все тосты, и даже предложил парочку от себя. Один из них был за Ивана.

– Хочу выпить за человека… или не человека… или не совсем человека… смертного, так сказать… только я этого не говорил… потому, что кто-кто, а я-то точно смертный… предлагаю, значит… за Иона – что значит «идущий»… Что он пришел к нам ко всем, когда… когда это было угодно бессмертным богам… Только я этого не говорил… Это, то есть, когда было угодно ему… До дна!

– До дна! – шепотом взревели гуляки. – За Иона!..

Глубоко за полночь во вменяемо-вертикальном состоянии оставались только Трисей и Иванушка. Первый в силу своей массы, которую надо было измерять, скорее, не в килограммах, а в центнерах, а второй – по причине незаметного выплескивания большей части доставшегося ему вина за борт. Потому что если бы это выплескивание стало бы заметным, то долгосрочная горизонтальность положения была

бы ему обеспечена разошедшейся к тому времени публикой досрочно.

К тому времени улеглись спать и матросы, и капитан Геофоб, и дежурный, который спать не должен был по определению, и царевичи остались стоять на корме в одиночестве. Казалось, с каждым дуновением ветра хмель выветривался из Трисея, как дым.

– А теперь поведай-ка мне, Ион, кто ты такой, откуда прибыл ты в Стеллу, и чего ищешь.

– Откуда ты знаешь, что я что-то ищу?

– Люди, которые ничего не ищут, сидят дома у своих очагов, – двинул плечом Трисей.

– Изволь, расскажу. Зовут меня Иван. Ну или Ион по-вашему. А приехал я в Стеллу в поисках золотого яблока Филомеи. Я и мой друг Сергий по прозванью Волк. Только во время сегодняшней бури мы потеряли друг друга. Я вот очутился здесь, а его даже и представить невозможно, куда могло унести… Теперь кроме этого яблока придется искать еще и его. Кстати, если ты знаешь, что это за яблоко, и где его можно найти, наша благодарность не знала бы границ в известных пределах, что значит, что я бы был глубоко признателен за твою помощь, – заученной когда-то давно фразой из похищенного на ночь учебника старшего брата по дипломатии Иванушка завершил представительскую речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.